

«Дело микробиологов»

Наталья Алексеева, Елена Захарова

В истории Санкт-Петербургского НИИ эпидемиологии и микробиологии имени Пастера есть период, когда учреждение перестало функционировать как самостоятельная единица: в марте 1931 года его присоединили к Институту экспериментальной медицины, в ведении которого он находился до октября 1932 года. Что же послужило причиной?

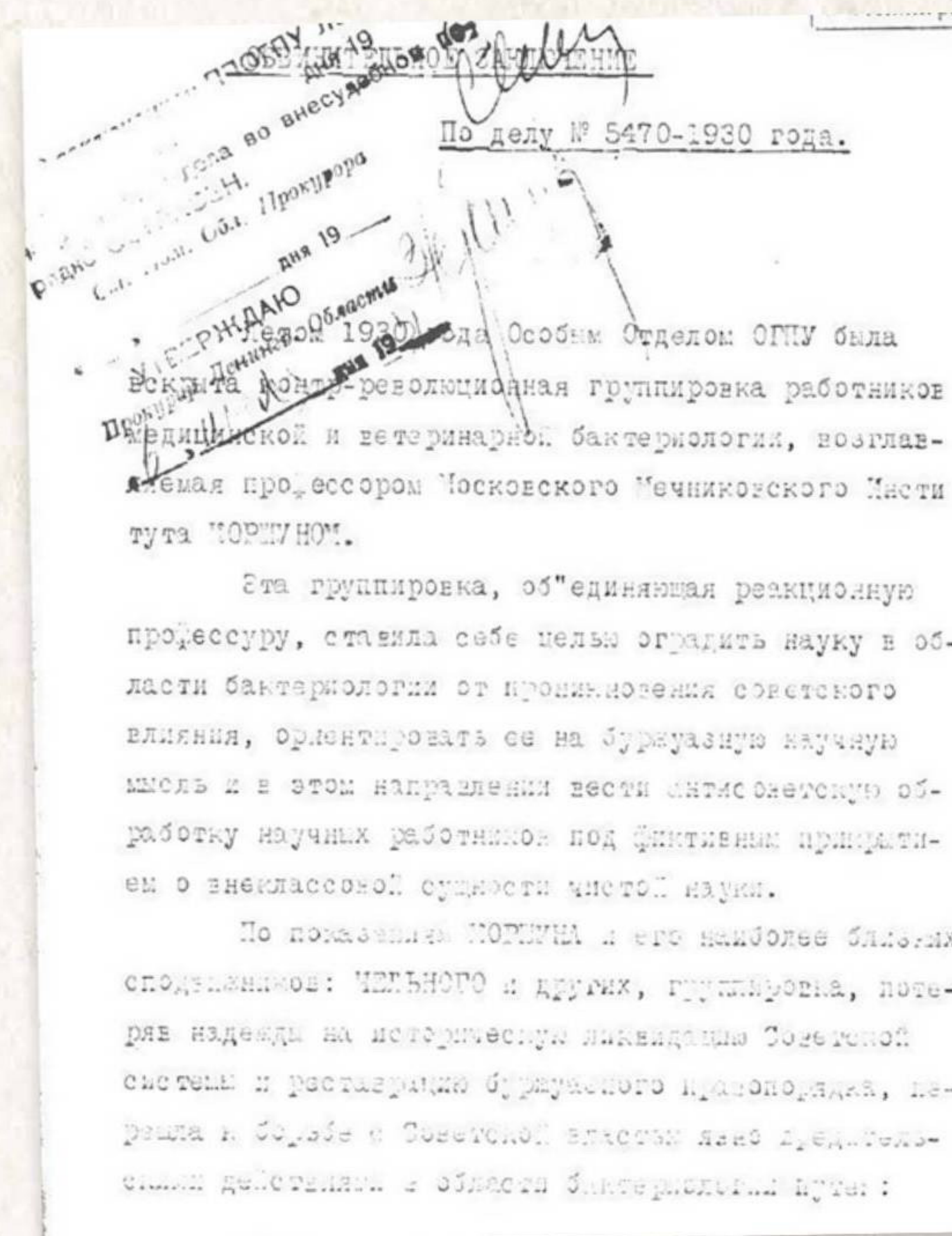
В январе 1930 года в Москве прошёл II Всероссийский съезд микробиологов. Сразу же после его завершения по всей стране начались аресты учёных. Первой жертвой так называемого

дела микробиологов стал директор Московского бактериологического института им. И. И. Мечникова Степан Коршун, который был арестован

▼ II Всероссийский съезд микробиологов, Москва, 21 января 1930 года

13 августа 1930 года. Затем, в течение года, в рамках дела «о вредительстве в микробиологии» было арестовано более 50 крупнейших учёных.

▼ Степан Васильевич Коршун. Фото 1920 года

▲ Копия обвинительного заключения по делу «группировки работников бактериологии», якобы возглавляемой Коршуном. 6 июля 1931 года

Полковник юстиции запаса Вячеслав Звягинцев высказал предположение, согласно которому Коршун, как и другие микробиологи, подвергся репрессиям за то, что отказался участвовать в разработке средств ведения бактериологической войны. Как бы то ни было, Коршун был признан главой «вредительской организации микробиологов»: по версии следствия, он «создал антисоветские группы в институте им. Мечникова в Москве, в Саратовском микробиологическом институте и в других институтах СССР».

Однако какие-либо конкретные доказательства вредительской деятельности Коршуна следствию собрать не удалось, как и в отношении других подследственных, с которыми харьковский учёный-микробиолог был связан исключительно научными интересами. Заседания судебной коллегии ОГПУ по делам «вредителей» продолжались с перерывами почти весь

1931 год. Все обвиняемые были репрессированы во внесудебном порядке. Совершенно очевидно, что уголовное дело от начала и до конца было сфальсифицировано, состав преступления в действиях многочисленных его фигурантов отсутствовал, о чём много лет спустя было отмечено в реабилитационных материалах.

Степан Васильевич Коршун покончил жизнь самоубийством в Бутырской тюрьме в самом конце 1931 года. Основной состав осуждённых по процессу «микробиологов-вредителей» оказался в закрытом Военном бактериологическом институте РККА, располагавшемся в Покровском монастыре (институт

был создан на базе двух военных лабораторий — вакцинно-сывороточной в подмосковной Власихе и бактериологической в Суздале). Здесь осуждённые были вынуждены заниматься разработкой бактериологического оружия и средств защиты. Несмотря на то что в 1925 году мировые державы подписали Женевский протокол о запрещении производства и применения

химического и бактериологического оружия, этими средствами массового поражения к началу Второй мировой войны в той или иной степени обладали Германия, Англия, США и Япония. Таким образом, речь уже идёт не о научной этике, а о массовом нарушении международных договорённостей. В СССР, по некоторым данным, первые образцы бактериологического оружия были получены в 1938 году.

Аресты учёных привели, по существу, к разгрому советской микробиологии

Аресты учёных носили массовый характер и привели, по существу, к разгрому советской микробиологии накануне Второй мировой войны, когда в разных странах шла активная разработка бактериологического оружия и средств защиты от него. Кому было на руку уничтожение микробиологической элиты государства в такое время, до сих пор остаётся областью догадок и предположений.

Это дело напрямую затронуло как руководство, так и сотрудников Петроградского бактериологического института имени Пастера.

▼ Покровский монастырь. Суздаль, ок. 1955 года

